

его каритивное производное *hallatu* '(место) без заморозков', название деревни *Kasynso* (1512 г.), где флексия генитива *-n* еще явно сохранилась, а современной формой названия было бы *Kassisoo*; того же происхождения и название **Kaszikusze*, где сочетание букв *sz* передает звук *s*; **Kiljaku* — ср. глаголы *kiljuma* и *kiljatama*; **Oksi* — ср. существительное *oks*: *oksa*, топоним *Oksa* (в окрестностях г. Вильянди), а **Oksi* является, по всей вероятности, его производным с суффиксом *-i-* (в отношении суффикса *-i-* ср. *Taba-salu* и *Tabi-vere*); **Pillakassi* — ср. финское существительное *pilla* 'дурной поступок и т. д.', эстонский глагол того же корня *pillama* и, в частности, южно-

эст. *ovene om pillat* 'лошадь понесла'; **Purju* — ср. существительное *puri*: *purje*, наречие *purjus* и глагол *purjutama* (в записях XVIII в. *Purjo Andres*); **Torga* — ср. диал. *tork*: *torga* 'торба'; **Trotse* — ср. рус. *троица*; **Täte* — ср. личное имя *Täte*.

Трудоёмкая диссертационная работа Я. Сумма — строго систематизированное и методически обоснованное исследование, которое содержит достоверное описание происхождения и становления комонимии Выннуского прихода. Благодаря подробным указателям этой работой без труда могут пользоваться и специалисты смежных областей науки.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.4.11>

Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

Приятно сознавать, что в удмуртской диалектологии, наиболее отсталой области не только удмуртского, но и финно-угорского языкознания, наметились в последние десятилетия определенные позитивные сдвиги. Об этом свидетельствуют десятки больших и малых диалектологических публикаций, среди которых стоит особо выделить объемистое описание фонетики и морфологии бесермянского наречия удмуртского языка¹, описания отдельных удмуртских диалектов.²

1 июня 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита еще одного крупного исследования в области удмуртской диалектологии — кандидатской диссертации Р. Ш. Насибуллина «Закамские говоры удмуртского языка». Официальными оппонентами выступали академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук В. К. Кельмаков (Ижевск). Диссертация выполнена под руководством доктора филологических наук профессора В. И. Лыткина в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР.

¹ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970.

² Т. И. Тепляшина, Тыловайский диалект удмуртского языка, Москва 1955

Объектом изучения в рецензируемой работе были удмуртские говоры закамской Башкирии, которые начали формироваться с конца XVI века на базе более древних говоров юго-западного, южного и северного типов. Поскольку эти говоры длительное время развивались в иных условиях, чем другие удмуртские диалекты, многие общеудмуртские языковые процессы получали в них несколько своеобразное преломление. Поэтому данные говоры служат исключительно ценным источником для изучения многих вопросов истории удмуртского языка и в руках умелого специалиста могут в некоторой мере возместить отсутствие древних письменных памятников. Учитывая, что об этих говорах мы имели до сих пор лишь отрывочные сведения в работах некоторых зарубежных и современных удмурт-

(канд. дисс., рукопись); И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавличского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), Тарту 1958 (канд. дисс., рукопись); В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка, Москва 1969 (канд. дисс., рукопись); С. К. Бушмакин, Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка, Ижевск—Москва 1972 (канд. дисс., рукопись). Статьи, две из них защищены в последние три года, см. рецензии Т. И. Тепляшиной: СФУ VII 1971, стр. 152—157; СФУ VIII 1972, стр. 296—301.

ских языковедов, следует считать тему диссертации Р. Ш. Насибуллина вполне актуальной.

Работа состоит из двух частей: основной (предисловие, введение, две главы, заключение, списки населенных пунктов, названий диалектов и языков, библиография) и приложения.

Как отмечается в предисловии, автор впервые распределяет удмуртские говоры башкирского Закамья на пять групп (буйско-таныпскую, татышлинскую, шагиртскую, ташкичинскую и канлинскую), определяет территорию их распространения и границы. Эти говоры отличаются друг от друга, по мнению автора, рядом фонетических, морфологических и лексических особенностей (стр. 3). В ходе дальнейшего изложения выясняются некоторые фонетические отличительные особенности указанных говоров, что же касается морфологических и лексических, то они оказались вне внимания автора. Это можно понять, ибо диссертант считал своей главной задачей описание буйско-таныпского говора, распространенного в более чем 40 населенных пунктах и охватывающего 65% всего удмуртского населения Закамья (стр. 3).

Во «Введении» автор вкратце знакомит читателя с историей заселения края удмуртами и историей изучения закамских удмуртских говоров. В том же разделе он объясняет, почему указанные говоры претерпели столь сильное влияние татарского языка во всех языковых уровнях: «Там, где распространены буйско-таныпские, татышлинские, ташкичинские и канлинские говоры, татарский язык является средством межнационального общения в общественных местах, на собраниях, на производстве и т. д. И, естественно, эти удмурты в большинстве своем владеют татарским языком. В тридцати одной деревне удмурты живут совместно с татарами» (стр. 3).

Два экстралингвистических фактора — относительно изолированный характер закамских говоров и тесные связи указанных удмуртов с татарским населением, отмеченные диссертантом, дают ключ к пониманию многих особенностей изучаемых говоров.

Первая глава («Фонетика») занимает чуть больше половины основной части

диссертации (стр. 10—78). Преимущественное внимание диссертанта к фонетике изучаемых говоров можно объяснить не только тем, что своеобразие удмуртских диалектов особенно ярко выражено именно в области фонетики, но, вероятно, и тем, что в предшествовавших работах удмуртских диалектологов фонетика нашла наиболее яркое освещение, выработан определенный канон ее описания.

Автор нашел в буйско-таныпском говоре 9 гласных фонем, дал им краткое артикуляционное описание, выявил некоторые их позиционные варианты и описал дистрибуцию последних. Словесное описание гласных (и согласных) удачно дополнено экспериментальными материалами. Однако едва ли можно считать удачным использование собственного произношения для экспериментальных целей.

В разделе о гласных звуках отмечается отличие слабоогубленного *ш* буйско-таныпского говора от огубленного *й* периферийно-южных удмуртских диалектов. Это свидетельство очень важно для исторической фонетики удмуртского языка: буйско-таныпский вариант *ш* представляет собой промежуточную ступень делабиализации древнеудмуртского огубленного **й*, имевшей место во многих удмуртских диалектах, в частности в закамских, бесермянском (регулярно), некоторых южных и периферийно-южных (спорадически). В этой связи хотелось бы знать, не встречается ли на территории распространения буйско-таныпского говора слабоогубленный вариант гласного *е*, возникшего путем делабиализации древнеудмуртского огубленного **о*. Кстати, об искомом варианте *е* говорил нам в беседе студент Удмуртского государственного университета И. Байметов, уроженец дер. М. Качак Калтасинского района (носителем буйско-таныпского говора).

Большой интерес представляет раздел диссертации, где рассматривается своеобразное отражение древнеперм. **ç* и **й* в анализируемых говорах (стр. 24—28). В данном случае проявляется известный (отнюдь не случайный) параллелизм с языком бесермян⁴, о чем диссертант почему-то умалчивает.

⁴ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, стр. 166—168.

Подробно описывая систему согласных, состоящую из 26 единиц, диссертант особое внимание уделяет рассмотрению явлений, составляющих специфику фонетики буйско-таныпского говора, например: ассимилятивным явлениям в сочетаниях согласных с последующим *j* (стр. 58—61), уподоблению *l* предшествующему носовому согласному (стр. 62), палатализации какуминальных аффрикат перед *-Vš(-)* и *-Vž(-)* (стр. 63—65), переходу инициального *j-* в *ž-* и *l-* (стр. 69—71), различным случаям деаффрикации аффрикат (стр. 71—73), появлению гортанного смычного [ʔ] в определенных позициях в слове (стр. 52—53) и др. Многие положения подтверждены достаточным количеством примеров и, на наш взгляд, правильно отражают изучаемый объект.

Значительное место уделено диссертантом выявлению закономерностей фонетической адаптации татарских и башкирских заимствований в рассматриваемых говорах (стр. 29—34, 74—78). Этому способствовали свободное владение татарским и башкирским языками и неплохая осведомленность автора в тюркологической литературе.

Морфология является одной из слабо разработанных областей удмуртской диалектологии, и отведение диссертантом значительной части работы описанию морфологического строя изучаемых говоров заслуживает, на наш взгляд, серьезного внимания.

Морфологию говора автор описывает в рамках традиционной грамматики, выделяющей 10 частей речи. Все части речи диалекта имеют те же самые грамматические категории, что и другие диалекты и литературный язык, и существенные морфологические отличительные особенности буйско-таныпского говора заключаются в формах выражения известных категорий.

В работе отмечается, что диалект имеет меньше падежей, нежели литературный язык. Значение вышедшего из употребления соответственного падежа (адвербиалиса) в диалекте передается послеложными конструкциями с послелогом *bujinša* (*plan bujinša* 'по плану', ср. удм. лит. *планъя* то же). Эта особенность в некоторой мере сближает закамские говоры с күкморским диалектом. Суффиксы мно-

гих падежей (в частности исходного, отдалительного единственного и винительного множественного числа) сходны с падежными окончаниями южноудмуртских диалектов.

Довольно тщательно исследовано словообразование частей речи буйско-таныпского говора. В разделах о деривации автору удалось выявить и описать многие словообразовательные элементы, не отмеченные еще в удмуртской диалектологии. В частности, им подробно описаны функции и словообразовательные возможности субстантивных суффиксов *-lik*, *-ti*, *-kaj*, впервые отмечен суффикс *-kanaj*. Диссертант впервые описал образование отрицательных местоимений и местоименных наречий при помощи приставок *ok-* (*og-*) и *ešno-* (*okkin* 'никто', *okkišin* 'нигде', *ešnokin* 'никто', *ešnokišin* 'нигде'), неопределенных местоимений и местоименных наречий при помощи постпозитивной частицы *dir* (*kin-dir* 'кто-то', *kišin-dir* 'где-нибудь') и т. д. Диссертант совершенно справедливо усматривает в этом влияние татарского языка.

Библиография на стр. 175—195 включает 241 название специальных лингвистических и историко-этнографических трудов и различного рода источников. Абсолютное большинство из них — работы, написанные на русском языке и частично на удмуртском. Труды отечественных и зарубежных лингвистов, опубликованные на немецком, венгерском, финском и эстонском языках, использованы минимально. Собственные публикации по теме диссертации едва ли следует включать в список цитируемой литературы (стр. 191).

Диссертация имеет большое приложение в виде отдельного тома, состоящее из словаря диалектной лексики (стр. 1—307) и транскрибированного текста с переводом на русский язык (стр. 308—325). Едва ли нужно специально оговаривать теоретическую и практическую необходимость подобного словарного приложения в тех условиях, когда еще не составлен диалектологический словарь удмуртского языка. К заслугам автора следует отнести и то, что значительная часть специфической диалектной лексики рассматриваемых говоров включена в большой Удмуртско-русский словарь, подготовленный

к изданию сектором языка Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора.

В данный словарь автор включает, по его собственным словам, лишь фонетические, семантические и особенно лексические диалектизмы рассматриваемых говоров (II, стр. III). Однако в действительности диссертант нарушает собственные принципы отбора слов, поэтому в словарь попали общеудмуртские лексемы типа *vooš* 'выпь', *keremet* 'священная роща', *tače* 'такой', *koñi* I 'белка', II 'копейка' и др., имеющие абсолютно тождественные соответствия и в литературном языке. В этом, пожалуй, нет ничего предосудительного, ибо лучше лишний раз исключить уже известные слова, нежели пропустить неизвестные.

В диссертации, выполненной в целом на высоком научно-теоретическом уровне, встречаются некоторые досадные ошибки и недочеты.

1. При описании буйско-таныпского говора автор, естественно, наблюдал за речью жителей не всех, а лишь нескольких опорных населенных пунктов и особенности языка ограниченного круга носителей буйско-таныпского говора распространял на весь говор. Подобная экстраполяция диалектных особенностей практически допустима в тех случаях, когда диалектная зона в языковом отношении довольно однородна, но нежелательна в отношении гетерогенных буйско-таныпских говоров, распространенных на значительной территории. Она создает иллюзию мнимой однородности рассматриваемых говоров. Так, гласный *ш*, квалифицируемый автором как самостоятельная фонема (кстати, неизвестно, на основе говоров каких населенных пунктов), судя по анкетным материалам студентов Удмуртского государственного университета, в речи жителей дер. Наняды, Новый Варяш не является таковой, а представляет собой вариант фонемы *и*, выступающий в соседстве с палатальными согласными.

2. Не совсем понятно, какими принципами руководствуется диссертант при определении фонематического статуса звуков. Так, гортанный смычный ['] вариант взрывных *t*, *d*, *k* и *g* перед сонорными автор почему-то считает самостоятельной фонемой (стр. 38, 52—53). Вопреки ут-

верждениям автора (стр. 38, 48) едва ли являются самостоятельными фонемами *ʃ* и *ʒ*, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции и ни в одной из возможных позиций не противопоставленные друг другу. Довольно сомнителен и фонематический статус полугласного *ɥ* (стр. 40—41).

3. Во второй главе не всегда правильно выделены словообразовательные суффиксы. Так, слова типа *kwědala* 'длина', *murdala* 'глубина', *zėktala* 'толщина' диссертант почему-то расчленяет на корень и словообразовательный суффикс *-ala* (стр. 87), вместо того чтобы выделить единственно возможный как с синхронной, так и диахронической точки зрения суффикс *-tala* (*-dala*)⁵, ср. *murdala* < *mur* 'глубокий' + *-dala*, *zėktala* < *zėk* 'толстый' + *-tala* и т. д. В современном буйско-таныпском говоре слова *nordj* 'отава', *nardj* 'барсук', *djldj* 'слюна', *djrdj* 'желоб', *birdj* 'пуговица' (стр. 107—108), *vakči* 'короткий', *šoñer* 'прямо', *kižer* 'жидкий' (стр. 115) не являются производными, как полагает автор. Мы не согласны также с утверждением, будто очевидное прошедшее время образуется от глаголов II спряжения при помощи суффикса *-a* (стр. 144), ибо данное *-a* представляет собой конечный гласный непроемной лексической основы глагола (*sura-nj* 'перемешать, смешивать, запутать', *vera-nj* 'сказать, говорить' и т. д.) либо словообразовательный суффикс (*už-a-nj* 'работать' — *už* 'работа, труд, дело', *turn-a-nj* 'косить' — *turn* 'трава, сено' и др.).

4. Хотелось бы знать, на каком основании автор выявляет в описываемых говорах направительный падеж, хотя имеет дело с послеложным сочетанием существительного (стр. 86 и далее).

5. Не всегда последовательна транскрипция диалектного материала, например, *k* в позиции перед *m* и *n* автор отмечает то буквой *k*, то [']: *lukmes* (стр. 50) и *lu'mes* (стр. 52) 'прорубь', *ma'mjř* (стр. 52) 'похмелье' и *takmjřani* (II, стр. 131) 'захворать от излишнего упот-

⁵ В. К. Кельмаков, Вопросы словообразования имен существительных в кукуморском диалекте удмуртского языка, — СФУ VII 1971, стр. 24.

ребления пищи или после пьянки' и др. Диссертант почему-то непоследовательно отмечает и полузвонкие согласные: в одних случаях — заглавными буквами глухих согласных (стр. 58—59), в других — заглавными буквами звонких согласных (стр. 54 и др.).

Указанные недочеты не умаляют, на

наш взгляд, научной и практической ценности рассматриваемого труда, который удачно восполняет существующий пробел в изучении удмуртских диалектов и представляет собой значительный вклад в удмуртское и финно-угорское языкознание.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ И ИХ ЯЗЫКОВ»

Всесоюзная научная конференция «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», проходившая в Томском государственном педагогическом институте им. Ленинского комсомола с 14 по 16 июня 1973 года, была посвящена памяти лауреата Государственной премии СССР, доктора филологических наук, профессора А. П. Дульзона.

Конференция созвана по инициативе кафедры немецкого языка и общего языкознания, которой более 30 лет руководил А. П. Дульзон, положивший начало комплексному изучению обсуждавшейся проблемы. В работе конференции участвовало более 100 лингвистов, историков, археологов, этнографов из 24 городов Советского Союза — Абакана, Алматы, Владивостока, Ленинграда, Москвы, Новокузнецка, Новосибирска, Уфы, Ярославля и т. д. Было заслушано более 60 докладов.

Работа конференции проходила по секциям: 1. лингвистика, 2. топонимика, 3. древняя история и этнография.

На пленарных заседаниях обсуждались следующие доклады: К. Ф. Гриценко, О. А. Осипова (Томск) «А. П. Дульзон — исследователь истории аборигенов Сибири и их языков», В. А. Зибарев (Томск) «Народы Северной Сибири к 50-летию СССР», Г. И. Пелих (Томск) «Ретроспективные возможности этнографии», В. И. Матющенко (Томск) «Итоги и задачи исследования бронзового века Западной Сибири», Н. М. Терещенко (Ленинград) «Обоснование исконного родства языков самодийской группы», Г. А. Меновщиков (Ленинград) «Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам», А. Н. Дьячкова (Якутск) «Современное представление общности якутов», Вяч. Вс. Иванов (Москва) «Типологическое и генетическое

истолкование сходств между кетским и американским индейским мифами о разорителе орлиных гнезд», М. Н. Валл, Г. К. Вернер (Таганрог) «Об истоках падежной системы в енисейских языках». На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад О. А. Осиповой (Томск) «История проведения экспедиций к малым народам Севера под руководством профессора А. П. Дульзона».

Отметим некоторые из докладов, поскольку остановиться на каждом не представляется возможным.

В докладе К. Ф. Гриценко и О. А. Осиповой акцент ставился на методику ведения исследовательской работы А. П. Дульзоном, его заслугах в решении лингвистического аспекта проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков, таких как кетский, хантыйский, мансийский, шорский, иганасанский, звенкийский, чулымско-тюркский, нижнетомско-тюркский, селькупский. Огромную ценность, по мнению докладчиков, представляет исследование А. П. Дульзоном различных сторон кетского языка, сыгравшего, как теперь известно, большую роль в этногенезе народов Сибири. Было подчеркнуто огромное значение, которое А. П. Дульзон придавал возможностям топонимики при решении этнолингвистических вопросов.

В докладе Н. М. Терещенко отмечалось, что объективные трудности в обосновании родства самодийских языков обуславливаются не только отсутствием древних письменных памятников (первые отрывочные записи сделаны не ранее XVII века), но и недостаточным освещением в литературе данных иганасанского и энецкого языков. Нет монографических исследований по нарымскому наречию селькупского языка, сколько-нибудь полных словарей по всем самодийским (за